

АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ

О РАЗЛИЧНЫХ
ВОПРОСАХ

Августин Блаженный О различных вопросах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14538811

Аннотация

«О различных вопросах» – труд выдающегося христианского теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hipponensis, 354-430). *** В данном сочинении автор рассматривает различные теологические вопросы, в частности, два вопроса из послания апостола Павла к Римлянам. Другими известными сочинениями Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О порядке», «О количестве души», «О блаженной жизни» и «Монологи». Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
КНИГА ПЕРВАЯ. ВОПРОС 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Августин Блаженный О РАЗЛИЧНЫХ ВОПРОСАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

**(В которой разбираются два вопроса из
послания апостола Павла к Римлянам)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты послал мне, отец Симплициан, поистине бескорыстнейший и приятнейший дар своих вопрошаний: если бы не попытался я ответить на них, то оказался бы не только непокорным, но и неблагодарным. И то, что предложил ты для разрешения из апостола Павла, так или иначе было уже нами разобрано и записано. Однако, не довольствуясь предшествующим изысканием и разъяснением, я постарался исследовать (теперь) более осмотнительно и внимательно те же самые апостольские слова и ту же последовательность изречений, чтобы не оказалось, что по небрежности я нечто упустил (прежде); ведь ты не счел бы все это достойным вопрошания, если бы уразумение этого было легко и беспрепятственно.

КНИГА ПЕРВАЯ. ВОПРОС 1

(1).

1. Итак, первый вопрос, который угодно было тебе предложить нам для разрешения, начинается с того места (послания к Римлянам), где написано:

«Что же скажем? Неужто закон есть грех? Да не будет!» – и (простирается) вплоть до того места, где (апостол) говорит: «Итак, закон – благо для меня желающего» и прочее; и даже, как мне кажется, до слов: Несчастный я человек! Кто избавит меня от тела этой смерти? Благодать Божия через Иисуса Христа Господа нашего» (Рим.7:7–25). Мне думается, что здесь апостол в себе самом изображает находящегося под законом человека и его слова говорит от своего лица. И поскольку немногим раньше сказал он: «Мы освободились от закона, в котором содержались как мертвые, чтобы служить в новизне духа, а не в ветхости буквы» (Рим.7:6), так что здесь может показаться, что подобными словами он как бы порицает закон, то тотчас добавляет: «Что же скажем? Неужто закон есть грех? Да не будет! Но я узнал грех не иначе, как посредством закона, ибо я не понимал бы пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай» (Рим.7:7).

Вожделение, произошедшее через закон (2–3)

2. Здесь вновь возникает недоумение: ведь если закон не грех, но насадитель греха, то ничуть не меньше порицают его

эти слова (апостола). И потому надлежит уразуметь, что закон дан не для того, чтобы им насаждался грех, и не для того, чтобы им искоренялся, но лишь для того, чтобы грех им показывался, для того, чтобы самим указанием на грех сделать виновной человеческую душу, чувствующую себя как бы в безопасности из-за своей невинности. И поскольку без благодати Божией не может она победить грех, закон призван обратить душу к тому, чтобы, встревоженная своей виной, она взыскала благодати. Итак, не говорит апостол: «Я совершил грех не иначе, как посредством закона»; но (говорит): «Я узнал грех не иначе, как посредством закона» (Рим.7:7). И опять же, не говорит: «Ибо я не имел бы пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай»; но говорит так: «Я не понимал бы пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай» (Рим.7:7). Отсюда ясно, что закон не насаждает пожелание, но делает его явным.

3. Поэтому и получилось так, что закон, поскольку благодать не была еще получена, не мог противостоять пожеланию, и оно даже возрастало; ведь когда добавилась вина в преступлении, из-за того, что пожелание стало делать противное закону, оно стало сильнее (пожелания), не воспрещаемого никаким законом. Поэтому (вполне) последовательно (апостол) Добавляет: «Так что, получив повод, грех посредством заповеди произвел во мне всякое пожелание»

(Рим.7:8). Ведь и до закона было (пожелание), но не было всяким, поскольку отсутствовала тогда вина в преступлении.

Поэтому и в другом месте говорит: ««Ибо где нет закона, нет и преступления» (Рим.4:15).

Каким образом грех без закона был мертв и как он ожил? (4–5)

4. А то, что присоединяет он: «Ведь без закона грех мертв» (Рим.7:8), – это приведено здесь в том смысле, как если бы он сказал: сокрыт, то есть считается мертвым. Об этом немного ниже он скажет более отчетливо: «А я жил некогда без закона», то есть я не страшился никакой смерти, протекающей от греха, поскольку не был проявлен (грех), раз не было закона: «Когда же пришла заповедь, грех ожил», – то есть проявился. «А я умер», то есть познал, что я умер; ведь будучи виновен в преступлении, я, несомненно, подвергаюсь угрозе наказания смертью. А когда говорит он:

«Грех ожил, когда пришла заповедь» (Рим.7:9–10), – то подобным образом ясно показывает, что грех некогда жил, то есть был известен, и это, как полагаю я, в случае преступления первого человека, поскольку и тот получил заповедь (Быт.2:17). Ведь и в другом месте говорит: «Жена, прельстившись, впала в преступление (1Тим.2:14); и еще: «Подобно преступлению Адама, который есть образ будущего» (Рим.5:14). Ибо ожить может лишь то, что некогда уже жило.

Однако это сделалось мертвым, то есть стало сокровенным, когда рождавшиеся смертными люди жили без заповеди закона, следуя пожеланиям плоти без всякого разу-

нения, поскольку не было никакого запрета. Поэтому апостол и говорит: «Я жил некогда без закона». И отсюда ясно, что не от своего собственного лица, но вообще от лица человека говорит он: «Я». «Когда же пришла заповедь, грех ожил, а я умер; и заповедь, бывшая в жизнь, оказалась мне в смерть» (Рим.7:9–10). Ведь если повинуются заповеди, она, разумеется, жизнь; но она оказывается в смерть, когда совершается нечто противное заповеди, так что не только творится грех, что происходило также и до заповеди, но и становится он более обильным и пагубным, ибо теперь грешит знающий (заповедь) и преступающий (ее).

5. «Ибо грех, – говорит (апостол далее), – взяв повод от заповеди, обманул меня, и убил ею» (Рим 7:11). Грех, незаконно пользуясь законом, когда от запрещения возникло стремление, сделался более сладостным, и тем самым обманул. Ибо обманчива сладость, за которой следует множество горестей тяжчайших наказаний. Итак, поскольку не воспринявшие еще духовной благодати люди с большей сладостью совершают запрещенное, грех обманывает ложной сладостью; а поскольку также присоединяется вина в преступлении, то и убивает.

Кто дурно пользуется законом? (6)

6. «Поэтому закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим.7:12); ведь она приказывает, что должно приказывать, и запрещает, что надлежит запрещать. «Итак, неужели доброе сделалось для меня смертью? Да не будет»

(Рим.7:13). Ведь порок в дурном пользователе, а не в самой заповеди, которая добра, поскольку «закон добр, если кто законно пользуется им» (1Тим.1:8). А дурно пользуется законом тот, кто не покоряется Богу в благочестивом смирении, чтобы с помощью благодати мог быть исполнен закон. И потому тот, кто незаконно пользуется законом, принимает его не для чего другого, как чтобы его грех, скрывавшийся до запрещения, начал проявляться вследствие преступления, причем «чрезмерно» (Рим.7:13), поскольку уже не просто творится грех, но и заповедь преступается. Поэтому (апостол) продолжает и присовокупляет: «Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть, так что из-за заповеди грех или грешник становятся чрезмерными» (Рим.7:13). Отсюда проясняется, в каком смысле сказал выше:

«Ведь без закона грех мертв» (Рим 7:8), – сказал он так не потому, что без закона не было греха, а потому, что последний не был явным. Ясно также и в каком смысле сказано: «Грех ожил» (Рим 7:9): не в том смысле, что грех начал существовать, – ведь он был и до закона, – но в том, что сделался он явным, поскольку стал противиться закону. (Все это ясно) на основании того, что он говорит здесь: ««Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть» (Рим.7:13), ведь не говорит: «чтобы быть грехом, но: «чтобы явиться как грех».

Закон исполняется лишь духовным человеком. Плотские

люди именуются так в двояком смысле» (7–9)

7. Затем апостол присоединяет и причину, почему так обстоит дело. «Ибо мы знаем, – говорит, – что закон – духовный, а я – плотский» (Рим.7:14). Этими словами он вполне ясно утверждает, что закон может быть исполнен только духовными, а таковыми можно стать лишь при помощи благодати. Ибо чем более подобным становится некто духовному закону, то есть чем больше сам возвышается в духовном движении, тем больше исполняет его, поскольку тем больше услаждается им, уже не угнетаемый его бременем, но воодушевляемый его светом: «ибо заповедь Господня светла, просвещающая очи, и закон Господень непорочен, обращающий души» (Пс.18:8–9); а благодать при этом отпускает грехи и изливает дух любви, благодаря которому праведность не только не тягостна, но даже и приятна. И разумно, сказав: «а я – плотский» (Рим.7:14), присовокупляет к этому (апостол объяснение), каким образом плотский. Ведь в некотором смысле называются плотскими и те, кто уже находится под благодатью, уже искуплены кровью Господней и возрождены верой; те, кому тот же апостол говорит: «И я, братья, не мог говорить с вами как с духовными, но как с плотскими; как младенцев во Христе я питал вас молоком, а не твердой пищей» (1Кор.3:1–2). Говоря так, он во всяком случае показывает, что были возрождены благодатью те, кто являлись младенцами во Христе и питались молоком, и однако все еще зовет их плотскими. А тот, кто еще не под бла-

годатью, но под законом, является плотским в том смысле, что он не возрожден еще от греха, «но продан греху»; поскольку как вознаграждением за смертоносное вождение овладевает он той сладостью, которая обманывает его, так что услаждается он даже и тем, что поступает вопреки закону; ибо тем более желанно нечто, чем менее дозволено. И не может он наслаждаться этой сладостью как неким вознаграждением за свое состояние, если не будет как бы купчей распиской вынужден служить влечению. Ведь чувствует, что он раб господствующего пожелания, которое запрещено ему; осознает, что справедливо для него это запрещение, но все же делает (недолжное).

8. «Ведь не знаю я, – говорит апостол, – что делаю» (Рим.7:15), Не в том смысле сказано здесь «не знаю», как будто не знает он, что грешит. Ибо подобное противоречило бы сказанному: «Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть» (Рим.7:13); и еще, выше: ««Я узнал грех не иначе, как посредством закона» (Рим.7:7). Ибо как явилось то, чего он не знает, или как узнал он это? Но здесь сказано в том же смысле, как Господь скажет нечестивым: «Не знаю вас» (Мф.25:12). Разумеется, ничто не сокрыто от Бога, поскольку лицо «Господне против делающих зло, чтобы истребить с земли память о них» (Пс.33:17). Но иногда мы говорим, что не знаем того, чего не одобряем. Поэтому (и апостол) говорит так: «Ведь не знаю я, что делаю», то есть не одобряю. И тут же подтвер-

ждает это, говоря: «Потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим.7:15). Итак, в отношении чего говорит:

«ненавижу», о том же говорит и: «не знаю»; ведь и о тех, кому скажет Господь:

«Не знаю вас», Ему говорится: «Ты, Господи, ненавидишь всех делающих беззаконие» (Пс.5:7).

9. «Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр» (Рим.7:16); ибо того же не хочет, чего и закон; ведь закон запрещает это.

Поэтому согласен с законом: не в том отношении, что делает возбраняемое им, а в том, что не желает того, что делает. Ибо связан, не будучи пока что освобожден благодатью, хотя благодаря закону и знает уже, что поступает дурно, и не желает этого. А то, что говорит (апостол), продолжая: «Потому уже не я делаю это, но обитающий во мне грех» (Рим.7:17), это говорит он не из-за того, что не согласен делать грех, хотя согласен с законом в его осуждении, – ведь все еще говорит от лица человека, находящегося под законом, а не под благодатью; человека, который и в самом деле влеком к совершению зла господствующим вожделением и обольщающей приятностью запретного греха, хотя в части познанного закона и не одобряет этого, – но из-за того говорит:

«Не я делаю это», что делает это как пленник. Ведь совершает это вожделение, натиску которого он уступает. А чтобы не уступать, чтобы ум человеческий тверже противостоял

вожделению, – это дело благодати, о которой намеревается апостол сказать позже.

Наказание за первородный грех (10–11)

10. «Ибо знаю, – говорит, – что не обитает во мне, то есть в плоти моей, доброе» (Рим.7:18). Зная – соглашается с законом, а делая – уступает греху. Что если спросит некто, почему это говорит он, что в плоти его вовсе не обитает доброе, а значит, (обитает) грех? Почему же, как не из-за передачи смертности и непрерывности (греховного) пожелания? Первое – наказание за первородный грех, второе – кара за частый грех; с первым рождаемся мы в эту жизнь, а второе присоединяем, живя. И две эти вещи, а именно как бы природа и обычай, соединившись, делают вожделение мощнейшим и непобедимейшим, что и называет он грехом, и говорит, что обитает последний в плоти его, то есть обладает некоторым господством и как бы царством.

Отсюда и следующие слова псалма: ««Я избрал бы скорее быть униженным в доме Господнем, чем обитать в шатрах грешников» (Пс.83:11); то есть тот, кто унижен, где бы он ни находился, не обитает там, где пребывает. Поэтому ясно, что обитание следует понимать здесь с учетом некоторого господства. А если по благодати совершится в нас то, о чем говорит апостол в другом месте:

«Чтобы не царствовал грех в смертном теле нашем, к повиновению похотям его» (Рим.6:12), то уже нельзя будет в собственном смысле сказать в этом случае, что грех обитает

(в нас).

11. «Потому что желание, – говорит, – свойственно мне, а совершение добра – нет» (Рим.7:18). Неверно понимающим эти слова кажется, что (апостол) как бы устраняет ими свободное решение. Но как же устраняет он, если говорит:

«Желание свойственно мне?». Ведь ясно, что само желание в (нашей) власти, поскольку свойственно нам; а совершение добра – не в (нашей) власти, и это – по вине первоначального греха. Ибо эхо – не первоначальная природа человека, но кара за преступление, вследствие которой появилась и сама смертность, вроде некой вторичной природы, от которой освобождает нас благодать Создателя, если мы с верой подчиняемся ей. Но сейчас произносятся слова человека, находящегося пока что еще под законом, а не под благодатью. Ибо тот, кто не находится под благодатью, не делает того «доброе, которое хочет», но делает то «злое, которого не хочет», вследствие господствующего вожеления, усиленного не только узами смертности, но и тяжестью привычки.

А если делает он то, чего не хочет, то не сам уже делает это, но обитающий в нем грех, как это было сказано и объяснено выше.

Закон – добр (12)

12. «Итак, я нахожу, – говорит он, – что закон благо для меня, желающего исполнять (его), однако мне свойственно злое» (Рим.7:21), то есть нахожу, что закон – благо для меня, поскольку я хочу сделать содержащееся в законе, однако мне

свойственно злое, по легкости его совершения; ибо и то, что сказал он выше: «желание свойственно мне», сказал в смысле легкости (исполнения).

Ведь что легче для человека, находящегося под законом, чем желать доброго и делать злое? И первого желает он без всякого затруднения, хотя и не делает с той же легкостью, с какой желает; и второе, ненавистное, легко имеет, хотя и не желает этого: как бросившийся вниз, без труда летит он в пропасть, хотя не желает этого и это ненавидит. Это сказал я в отношении слова «свойственно».

Итак, человек, находящийся под законом и не освобожденный еще благо-дателью, выносит свидетельство о законе, что он добр. Тем самым вообще свидетельствует он, что отрицает самого себя, поступающего вопреки закону, и находит, что закон – благо для него, желающего сделать то, что повелевает последний, и неспособного из-за одолевающего его вожделения. Благодаря этому видит он, что связан виною в преступлении, (и побуждается) к тому, чтобы взыскать благодати Избавителя.

Что за закон греха в членах? (13–14)

13. «Ибо я нахожу удовольствие, – говорит (апостол), – в законе Божиим по внутреннему человеку»: в том, разумеется, законе, который говорит: «Не пожелай. Но вижу, – говорит, – в членах моих другой закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греха, пребывающего в членах моих» (Рим.7:22–23). Законом

в своих членах называет он то са-мое бремя смертности, отягченные которым мы воздыхаем (2Кор.5:4). «Ибо тленное тело отягощает душу» (Прем.9:15). Из-за этого также часто бывает, что невольно услаждает недозволенное. Это давящее и угнетающее бремя апостол называет законом, поскольку справедливо предписан и возложен он как наказание Божественным приговором Того, Кто предостерегал человека, говоря: «В день, в который вы вкусите, смертью умрете» (Быт.2:17). Этот закон противоборствует закону ума, говорящему: Не пожелай, которым услаждается человек по внутреннему человеку; и до тех пор, пока не окажется некто под благодатью, этот закон столь сильно противоборствует, что подчиняет человека закону греха, то есть себе самому.

Ведь когда говорит он: «пребывающего в членах моих», показывает, что это тот же самый закон, о котором раньше сказал он: «Вижу в членах моих другой закон» (Рим.7:23).

14. А все это говорит он для того, чтобы плененному человеку стало очевидно, что не следует много думать о своих силах. Вот почему обличает он иудеев, горделиво хвалившихся якобы (исполненными) делами закона, хотя воздержание увлекало их ко всему недозволенному, в то время как закон, которым хвалились они, говорит: «Не пожелай». Поэтому вот как со смирением надлежит говорить человеку побежденному, осужденному, плененному; наконец, не победителю благодаря полученному закону, но скорее преступнику; вот как со смирением надлежит ему взывать:

«Несчастный я человек! Кто меня избавит от тела этой смерти? Благодать Божия через Иисуса Христа, Господа нашего» (Рим.7:24–25). Ибо в этой смертной жизни свободное решение не для того служит, чтобы исполнил человек правду, когда захочет, но для того, чтобы в слезной и благодарственной молитве обратился он к Тому, с помощью Чьего дара может он исполнить ее.

Объяснение мест, на основании которых может показаться, что закон – зол. Закон не господствует над теми, кто под благодатью (15)

15. Поэтому, принимая во внимание всю ту последовательность апостольской речи, которую мы разобрали, всякий, кто полагает, что апостол считает закон злым, поскольку говорит: «Закон пришел, чтобы умножилось преступление» (Рим.5:20); и: «Служение смерти в буквах, изображенное на камнях» (2Кор.3:7); и: «Сила греха закон» (1Кор.15:56); и: «Вы умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, воскресшему из мертвых»; и:

«Страсти греховные, происходящие посредством закона, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти; но ныне мы освободились от закона, в котором содержались как мертвые, чтобы служить в новизне духа, а не в ветхости буквы» (Рим.7:4–6) и прочее, что находим мы сказанным апостолом в этом смысле, пусть заметит, что сказано так, поскольку закон увеличивает пожелание запрещением

и связывает виновного преступлением, приказывая то, что люди по немощи не способны исполнить, если не обратятся благочестиво к благодати Божией; и потому называются пребывающими под ним те, над кем он господствует, а господствует он над теми, кого наказывает; наказывает же всех преступников. Ведь те, кто получили закон, преступают его, если только при помощи благодати не станет для них возможным (исполнить) то, что он повелевает. И потому закон не господствует над теми, кто пребывает уже под благодатью, ибо они исполняют его любовью, хотя и были они осуждены, (находясь) под властью его страха.

Заблуждение манихеев в отношении ветхозаветного закона (16)

16. Ибо если все сказанное выше заставляет думать, что апостол отвергает закон, то что сделаем мы с его словами: «Ибо я нахожу удовольствие в законе Божиим по внутреннему человеку?» (Рим.7:22). Ведь говоря это, он, несомненно, хвалит закон. Когда они (а именно те, кто думают, что закон зол) слышат это, от-вечают, что здесь апостол говорит о другом законе, то есть о законе Христовом, а не о данном иудеям. Итак, спросим мы у них, о каком законе говорит апостол: ««Закон пришел, чтобы умножилось преступление?»» (Рим.5:20)

Они, конечно, ответят, что о том, который получили иудеи. Тогда посмотри, разве это не ют закон, о котором сказано: «Получив повод, грех посредством заповеди произвел

во мне все пожелание?» Ибо что другое значит: «произвел во мне всякое пожелание» (Рим.7:8), как не то, что стоит здесь: «чтобы умножилось преступление» Посмотри также, не подходит ли сюда и это изречение: «Так что из-за заповеди грех или грешник становятся чрезмерными» (Рим.7:13). Ведь то же самое значит: «Так что из-за заповеди грех или грешник становятся чрезмерными», что и: «чтобы умножилось преступление». Итак, если установим мы, что добра заповедь, приняв повод от которой, грех произвел всякое пожелание, так что стал чрезмерным, то тем самым сразу же установим, что добр и закон, который пришел, чтобы умножилось преступление, то есть чтобы грех произвел всякое пожелание и стал чрезмерным. Поэтому пусть выслушают они того же апостола, говорящего: «Что же скажем? Неужто закон есть грех? Да не будет!» (Рим.7:7).

Это, говорят они, сказано о законе Христовом, то есть о законе благодати.

Тогда пусть ответят, как полагают они, о каком законе говорится то, что следует дальше: «Но я узнал грех не иначе, как посредством закона, ибо я не понимал бы пожелания, если бы закон не говорил: «Не пожелай. Так что, получив повод, грех посредством заповеди произвел во мне всякое пожелание»

(Рим.7:7–8). Вот, сама связь слов достаточно показывает, о каком законе сказал он: «Неужто закон есть грех? Да не будет!» О том, разумеется, заповедью которого греху был

дан повод, чтобы произвел он всякое пожелание; а значит, и о том, который пришел, чтобы умножилось преступление; о том, который они считают злым. Но что может быть яснее сказанного немного позже:

«Поэтому закон свят, и заповедь свята и праведна и добра?» (Рим.7:12). Вновь говорят они, что это сказано не о том законе, который дан был иудеям, но о Евангелии. Ибо столь неистребима у манихеев эта слепая превратность. Ведь они не обращают внимание на идущее далее в высшей степени очевидное и ясное: Итак, неужели доброе сделалось для меня смертью? Да не будет! Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть, так что из-за заповеди грех или грешник становятся чрезмерными» (Рим.7:13), то есть посредством заповеди святой, праведной и доброй, которая, однако, пришла, чтобы умножился грех, то есть чтобы стал он чрезмерным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.